

Редакция журнала "Проблемы Восточной Европы" поздравляет журнал "Сведецтви" и его редактора Павла Тигрида с двадцатипятилетием "Сведецтви" и желает дальнейших успехов.

Павел Тигрид

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АТОМНОМ ВЕКЕ *

(Отрывки из одноименной книги)

Политическая эмиграция, если она не разоружилась и не ожирела, всегда стремится к тому, чтобы разложилось, пало или было свергнуто правительство, из-за которого ей пришлось покинуть родину. Этого можно достичь либо в результате военных действий одного или группы государств против родины политических эмигрантов, даже если такая война ведется без всякой связи с идеалами и политическими задачами эмиграции, либо посредством революции, конспиративной деятельности, переворота. Случалось, что война ускоряла темпы общественного развития, подготавливая тем самым почву для революции. Если эмиграции удавалось поставить при этом на верную карту, то есть, иначе говоря, если ее не предавали союзники за границей и не отвергали пришедшие к власти на родине, — она либо возвращалась к власти, либо получала долю участия в ней. Но эмиграция редко приходит к власти эволюционным путем; "нормальное" историческое развитие кажется ей слишком медленным, так как эмиграции всегда торопятся.

Деятельность политической эмиграции рискованна, цели далеки, перспективы неопределенны. У нее нет тыла, на который можно опереться, нет демократических институтов, на обсуждение которых можно вынести эмигрантские планы и распри. А ни в планах, ни в расприх недостатка нет. "Упаси нас Господь от эмиграционных объединений и эмиграционных споров", писал матери из сибирской ссылки Ленин. ...Изгнанник не только движим страстями, он — их пленник. Надежду сменяет отчаяние, чрезмерную активность — либо ничегонеделание, либо нетерпеливость. Е.Х. Карр в своей исключительно интересной работе о

* Pavel Tigrid, „Politická emigrace v atomovém věku“, Index, Köln, West Germany, 137 p.

русских политэмигрантах XIX века¹ цитирует разговор Бакунина с Герценом, когда они в 1861 году встретились в Лондоне. Бакунин приехал туда, бежав из сибирской ссылки, за ним было восемь лет тюрьмы и четыре года Сибири. Он ничего не знал о событиях в мире, но был полон нетерпения и жаждал действовать.

— В Польше произошли демонстрации, — сказал Герцен.

— А в Италии? — спросил Бакунин.

— Спокойно.

— А в Турции?

— Всюду спокойно, да ничего и не предвидится.

— Так что же мы будем делать? — воскликнул пораженный Бакунин. — Может быть, начать что-нибудь в Персии или Индии, чтобы подтолкнуть события? Ведь можно с ума сойти! Не буду же я сидеть здесь и ничего не делать.

Спокойствие, консолидация, упорядочение отношений, укрепляющие статус-кво соглашения для каждого революционера, для всех политических эмиграций казались знаком опасности. И еще — разочарования. Надежды, которые не сбылись; ситуации, которые не возникли; события, которые окончились не так, как предполагалось; бесполезно истраченное время...

Навестив Ленина осенью 1911 года в Париже, его сестра Анна заметила, что брат ее, наименее сентиментальный из всех эмигрантов, был очень подавлен. Это был четвертый год второй эмиграции Ленина. "Кто знает, доживем ли мы до революции!" — сказал он ей тогда.²

В то же время в эмиграции много пафоса, трагикомедий, взрывов честолюбия, взаимных оскорблений, распрей. В упомянутой выше книге Карр описывает вечер революционеров-эмигрантов, которые в феврале 1855 года собрались в Лондоне, чтобы отпраздновать "великую революцию 1848 года". Маркс на этот вечер не пришел, не желая сидеть на сцене вместе с Герценом: "...Я не думаю, — писал он Энгельсу, — что "старую Европу" может омолодить русская кровь". ...

Участие в политической эмиграции предполагает способность жертвовать собой, идеализм, мужество, геройство. Трудно перечислить всех эмигрантов-героев и эмигрантов-мучеников. Они внесли свой вклад в революции — как победившие, так и потерпевшие поражение, — в успешные и провалившиеся попытки изменить общественное устройство, условия жизни человека.

В прошлом стремившихся к власти или подрывавших ее устоянием наказывали. В наше же время эмиграция — это выражение свободной воли, свободно принятое решение. Человек избирает эмиграцию, потому что не мог жить дома как хотел. Чтобы решиться, нужно быть романтиком, искателем приключений: пенсия политическим эмигрантам обычно не выплачивается...

Вначале принятие решения определяется этическими доводами, хотя позже в судьбе эмигрантов случаются компромиссы и капитуляции. Как общественное явление, эмиграция и добровольная ссылка — это прежде всего нравственный протест, мятеж, жест против несправедливости, жесткой власти, отсутствия свободы, против тирании, нищеты и коррупции. И об эмиграции принято говорить в категориях нравственных. Но очной ставки с ними эмигрант не выдерживает. По крайней мере, когда известна не легенда, а правда.

Объясняется это не только тем, что в истории эмиграций мы часто встречаем не революционера-эмигранта, не трибуна, а постояльца третьеразрядной гостиницы; не генерала в парадном мундире, а тщеславного главу кучки перессорившихся апатридов. Политическая эмиграция должна "заниматься политикой", а значит, идти на компромиссы, делать уступки, интриговать, разрабатывать тактику. Превалировавший вначале этический принцип вступает в конфликт с политической реальностью, а его протагонисты принимаются обвинять друг друга в измене ему. Детская болезнь большинства политических эмиграций — фракционная деятельность, нетерпимость, ревность, "культ личности", организационная раздробленность и перегруппировки — атомизирует движение, ослабляет его влияние за границей, отрывает его от действующих на родине сил, которые прежде готовы были эмиграцию поддержать.

К тому же союзники в приютивших эмиграцию странах ставят ее перед дилеммой. Ведь право политической эмиграции на существование, оправданность ее — по крайней мере, оправданность политической эмиграции в традиционном смысле этого слова — предполагают прежде всего мораль, идею: отсутствие или недостаток свободы, справедливости и равенства на родине. Доводы, которые эмиграция должна учитывать в своей политической деятельности, остаются на заднем плане.

Но политическая практика держав, с которыми эмиграция

связала свою судьбу, определяется государственными интересами, а не принципами нравственности.

”Основная задача государственного деятеля, — пишет профессор международных отношений Колумбийского университета Уиллиам Т.Р. Фокс, — это сочетать желаемое с возможным. Нравственная точка зрения важна, но сама по себе она еще не гарантирует правильности тех или иных политических действий. Только приняв во внимание все альтернативы, ... можно прийти к суждению о возможном”.³

В области же внешней политики государственный деятель ссылается на нравственные ценности либо когда они

”способствуют достижению поставленной им цели, либо когда они ему не мешают”... Но ”Как только апелляция к этим ценностям начинает выглядеть как слабость, он их отбрасывает!”⁴

Так возникает необыкновенно сложная ситуация: эмиграция должна защищать — или, по крайней мере, делать вид, что защищает, — добро, должна выступать против зла, бороться за свое дело, опираясь на различие добра и зла; но все это эмиграция должна проделывать в обстановке, при которой моральный принцип значит мало, если значит хоть что-то...

Бывают случаи, когда державы, как бы перенимая ”идеологический словарь” своих подопечных эмигрантов, начинают публично выступать с ними заодно в тех областях внешней политики, которые самым непосредственным образом затрагивают интересы данной эмиграции. В таких весьма, казалось бы, многообещающих условиях оказалась в начале пятидесятых годов эмиграция из стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Это было в начале 50-х годов, когда в Соединенных Штатах демократическое правительство сменилось республиканским.

”Политика освобождения порабощенных европейских стран”,⁵ которая была разработана идеологическим штабом республиканской партии накануне президентских выборов 1952 года, утвердилась как категорический императив. В своей первой президентской речи в январе 1953 года Эйзенхауэр заявил, что ”здравый ум и порядочность протестуют против примиренческой политики”.

”Мы никогда не снизойдем, — продолжал он, — до попыток умиротворить врага, ... когда пытаются купить свою безопасность безнравственными сделками, ценой чести ... Вещевой мешок солдата легче цепей раба”.

Джон Фостер Даллес обещал тогда, что ”порабощенные народы будут освобождены”.

Политическая эмиграция, которая в тот период действовала, в основном, в Америке, была в восторге. Наконец-то верховные представители величайшей державы мира ввели в свой лексикон такие понятия как ”право и несправедливость”, ”мораль и безнравственность”, ”свобода и рабство”. Более того, они сулили наказать зло, они заверяли, что добро и справедливость восторжествуют.

Надежды эти лопнули так же мгновенно, как и возникли. Уже к концу 1954 года термин ”политика освобождения” исчез из политического словаря Америки. Ясно стало, что это был всего лишь один из лозунгов предвыборной кампании, который, будучи противовесом проводимой демократами ”политики сдерживания”, должен был привлечь на сторону республиканцев избирателей польского и венгерского происхождения.⁶

От ”политики освобождения” не осталось и следа, даже фразеологии. Привлекательные нравственные постулаты всего лишь ловко прикрывали несостоятельность такой политики. Она не принесла никаких конкретных результатов. Эксперты, которые проанализировали ее впоследствии, признали, что она не только

”не изменила советскую политику, но напротив, вызвала недовольство союзников Америки, способствовала росту антиамериканских настроений и успеху Советов, где только можно обвинявших США в агрессивности”.⁷

Беспомощность ”политики освобождения” наглядно обнаружилась осенью 1956 года. Эта история достаточно поучительна, чтобы остановиться на ней подробнее.

Венгерская революция октября-ноября 1956 года создала оптимальные условия для практического проведения ”политики освобождения” в жизнь. Восстали массы, народ. Даже коммунисты теперь не оспаривают этого. Народ объявил войну насилию, несправданию, полицейскому произволу, сталинскому террору.

Когда Москва решилась применить вооруженную силу, чтобы подавить народную революцию, военное вмешательство Запада могло быть вполне морально оправдано. На фразы об "освобождении порабощенных народов" венгерский народ откликнулся действием.

Для этого неожиданно сложились и благоприятные *политические* предпосылки: на стороне народа, нередко возглавляя революционные акции, выступали венгерские коммунисты. Коммунисты-интеллектуалы теоретически обосновали и сформулировали цели революции. В революционные дни 27 октября -- 3 ноября коммунисты стояли во главе ключевых министерств. И если бы западные союзники, (Англия и Франция, впрочем, были поглощены в то время суэцкой авантюрой) оказали вооруженную поддержку борьбе венгерского народа против советской интервенции, они тем самым выступили бы на защиту *легального* венгерского правительства. Это правительство официально провозгласило нейтралитет Венгерской Народной Республики и обратилось в ООН с просьбой о помощи.

Однако венгерские события осени 1956 года застали Запад врасплох. Факты общеизвестны: никаких конкретных действий ООН не предприняла; экономические и дипломатические санкции, если и были, оказались беззубыми; западные правительства ограничились заявлениями в своей глубокой симпатии к венгерскому народу; Эйзенхауэр послал Булганину ноту, в которой рассказал, насколько советская интервенция "потрепала" его. Вице-президент Никсон совершенно правдиво описал положение, когда признал: "Единственным нашим оружием было моральное осуждение"...

* * *

Не менее интересны и кубинские события.

Напомню некоторые подробности кубинской авантюры, которые имеют прямое отношение к нашим размышлениям.

Кубинская эмиграция, которая покидала родину по мере того, как прояснялась политика Фиделя Кастро, считала эту политику предательством идеалов революции против диктаторского режима Батисты. Многие ее представители вышли из круга близких сотрудников Фиделя (например Миро Кардона, первый председатель Совета министров революционного правительства Кастро). Особенностью кубинской политической эмиграции была абсолютная уверенность, что вне родины она останется корот-

кое время. Она искала не убежища, а возможности действовать, не рассеяния и ассимиляции, а концентрации и создания операционной базы. Она нашла такую базу на побережье Флориды, на расстоянии ста миль от родины. Соответственно своему темпераменту и опыту, кубинцы были больше склонны к военным, а не политическим действиям. Партизанство было у них в крови. Учитывая это, правительство Эйзенхауэра быстро согласилось на создание кубинской "армии освобождения". Была основана Бригада 2506, которая проходила тренировку для десанта и непосредственных военных действий. К концу она насчитывала 1.500 человек. Десант высадился 17 апреля 1961 года. Бригада натолкнулась на хорошо подготовленные и далеко превосходящие ее количественно соединения Кастро, потерпела поражение, а значительная часть ее солдат попала в плен.

Непосредственная причина этой катастрофы заключалась в одном: в то время как 3 ноября 1956 года Москва пошла на прямую военную интервенцию Венгрии, нанеся тем самым решающий удар народной революции, Вашингтон на такое откровенное вмешательство не решился. Есть много обстоятельств, определивших различное поведение этих держав, но в основном они вытекают из структурных различий демократической и тоталитарной систем управления. Правительство Кеннеди готово было предоставить возможность действовать кубинским изгнанникам, целью которых было свержение режима в Гаване; но оно не было готово открыто поддержать эту операцию вооруженными силами Америки даже в случае провала высадки. Если бы Америка оказала кубинским эмигрантам военную поддержку, ее бы обвинили в агрессии, а ее политику -- в двуличии. Президент Кеннеди, видимо, не захотел рисковать, принимая на себя ответственность за международно-политические последствия интервенции, которую можно было бы сравнивать с советскими действиями в период венгерской революции.

Высадка Бригады 2506 в Бухте Качинос оказалась авантюрой группы эмигрантов, действовавшей без какой-либо надежды на успех. Она была совершена в то время, когда было очевидно, что народ Кубы не восстанет против режима Кастро, что антикастровского подпольного движения практически нет, что солдаты правительственных войск не будут дезертировать. Лидеры кубинской эмиграции -- и не они одни -- убедили самих себя, своих покровителей и мир, что народ с ними и что сам факт вы-

садки десанта поднимет могучую волну народного сопротивления. И поразительна не сама эта уверенность. В конце концов, какая политическая эмиграция не утверждает, что в стране, которую она покинула, она имеет массовую поддержку? Поразительно, что эта уверенность была воспринята как непреложный факт, что эта основная предпосылка надежд на успех операции не была проверена людьми более объективными, чем сама кубинская эмиграция. Сейчас уже едва ли можно сомневаться в том, что именно отсутствие такой проверки породило трагедию в Бухте Качинос. Эта трагедия обнажила и причину несчастий всех политических эмиграций: недостаточность поддержки народом их идеалов, целей и стремлений.

Последним эхом кубинских событий апреля 1961 года был октябрь 1962 года. Советское правительство попыталось установить на Кубе ракеты и тем самым изменить в свою пользу существующий стратегический баланс. Случилось то, что должно было случиться: Соединенные Штаты, то есть та же самая держава, которая не решилась предоставить на том же острове хотя бы минимальную военную помощь высадке эмигрантов, не поколебалась заявить, что уничтожит советские ракетные базы, а с ними вместе и режим Кастро, чтобы восстановить "равновесие страха".

Что же касается Советского Союза, который в случае прямой американской интервенции в Бухте Качинос предпринял бы сокрушительную дипломатическую атаку -- от санкций в ООН до пламенных протестов профсоюзных организаций в Туле, быстренько и тихо ретировался, увез с Кубы ракеты. Он проглотил самое большое и самое тяжкое оскорбление, которое претерпел советский престиж в послевоенное время. Причем, нанесено оно было главным противником Советского Союза. "Равновесие страха" восстановилось, мошеническая советская рука была публично закручена за спину, в облике Фиделя Кастро проступили отчетливые черты марионетки. И никто не удивился. Только кубинская эмиграция, раздробленная на всевозможные союзы и комитеты, разбросанная по всем углам Америки, не могла понять, почему то, что казалось таким сложным в 1961 году, оказалось простым через полтора года.

Мы припомнили венгерскую революцию и авантюру в Бухте Качинос, ибо оба эти события раскрыли положение и перспективы политической эмиграции в атомном веке. Течение событий в

обоих случаях определилось главной особенностью международных отношений нашего столетия. Эту особенность, которую сегодня признают почти все, не представляет труда определить: война, которая велась бы при помощи атомного оружия, которая переросла бы в мировую, уничтожила бы обе соперничающие стороны, а заодно и значительную часть нашей планеты. Было бы по меньшей мере непрактично таким образом "решать" международные споры. Даже ЦК КПСС признает, что атомная бомба -- "бесклассовая", ибо уничтожает все.

Следовательно, ни Америка, ни Россия не имеют возможности силой, военными средствами вынудить противную сторону отойти из той области, которую та или другая атомная сверхдержава, по праву или без права, считает своей вотчиной. Любой сдвиг, осуществленный одной стороной, нарушил бы ревниво охраняемое "равновесие страха". Когда пытаются произвести такой сдвиг, автоматически вступает в действие новый элемент международных отношений -- так называемая сдерживающая сила (deterrence power) глобального массового столкновения, то есть угроза атомной войны. Это показал кубинский кризис.

Страны Варшавского договора принадлежат к одной из вотчин, к сфере советских великодержавных интересов. Это советская держава считает неоспоримым фактом. Но этот же факт многие, и в том числе политические эмиграции из стран Варшавского договора, считают несправедливым, жестоким, абсолютно безнравственным.

Увы, как это определил Рэймон Арон,

"техническая и военная революции нашего времени, символом которых стала атомная бомба, укрепляют не право и не бесправие, а статус-кво".⁸

Но тем самым, казалось бы, всем политическим эмиграциям, в том числе и тем, которые и на коммунистическом жаргоне зовутся "прогрессивными", остается выбор только между двух зол, между двух проявлений импотенции: либо пустое непрерывное чтение морали всем и вся, либо подстрекательство к войне, которая все равно не начнется.

Все это, возможно, было бы и так, если бы присутствие уничтожающей силы атомного оружия действительно оказалось единственным кардинальным новшеством в современном мире. И если бы атомная война была воистину единственным пу-

тем: осуществления стремлений и мечтаний политических эмигрантов. Но ни первое, ни второе неверно. Действительность иная. Она гораздо богаче возможностями. Вот уже несколько лет на наших глазах разворачивается исторический процесс, который непосредственно затрагивает интересы политической эмиграции из стран Центральной и Восточной Европы, который может решительно повлиять на ее судьбы и перспективы.

Этот процесс, его динамика хорошо известны. Как независимая сила поднялся в коммунистическом мире Китай, который не признает Советский Союз ни как державу, ни как идеолога, ни как вождя мирового коммунистического движения.

Однако полицентризм со всеми вытекающими из него последствиями в коммунистическом мире -- намного более серьезное политическое явление, чем в мире демократическом. Демократический мир не связан общей идеологией и обязательствами, которые непреложны в мире коммунистическом. Начавшееся расчленение международного коммунистического движения чревато самыми разными конфликтами. И они тем грознее, что возникают они в идеологических рамках, которые успели окостенеть. Титовская Югославия -- нейтральное государство, которое не признает ни советского, ни китайского лидерства; но в международных отношениях она склоняется на сторону стран Варшавского договора, хотя сама в нем не участвует. Албания же, напротив, до 1968 года настаивала на своем праве участвовать в совещаниях стран Варшавского договора, но одновременно объявляла руководство партий и правительств остальных стран -- участниц чуть ли не изменниками международного социализма, а некоторых из них даже обвиняла в том, что они угрожают миру и "играют на руку империалистам".

Такое расхождение между авторитетом и властью отразилось, конечно, и на коммунистических партиях капиталистических стран. Они теперь формулируют, а часто и проводят независимую политику, которая иногда решительно -- и при этом безнаказанно -- отличается от политики других "братских" партий. Некоторые из них распадаются на группы и фракции -- прокитайские, просоветские и т.д., а это влечет за собой атомизацию всего движения, ослабляет оба главных центра коммунистических влияний. Степень экономического развития, резкие различия в уровне жизни отдельных коммунистических стран и нарастающий в них национализм в свою очередь спо-

собствуют развитию полицентристских тенденций. Развивающиеся страны сближаются и даже заключают союзы (часто независимо от идеологической окраски их режимов). Их общим противником оказываются "сытые" государства, промышленное и экономическое развитие которых позволило им подняться до стадии "массового потребления", то есть до высшей стадии экономического развития.

В международном коммунистическом движении произошли принципиальные, а при условии дальнейшего мирного развития и необратимые изменения и структуры власти, и идеологии. Это -- факт, который невозможно оспаривать. Складываются одни союзы, распадаются другие, происходят сдвиги в сторону большей независимости стран, которые еще недавно справедливо считались просто сателлитами; вырисовывается новое расслоение между "неприсоединившимися" и нейтральными государствами; недавние непримиримые противники на фронтах холодной войны, проходивших по линии Восток -- Запад, временами сближаются и заключают соглашения (ср., например, советско-американское соглашение о частичном прекращении испытаний ядерного оружия); и наоборот -- недавние братья и союзники "на век" ожесточенно оспаривают друг друга (СССР -- Китай).

Процесс, который я здесь обсуждаю, включает в себя и *либерализацию* стран, где правят коммунистические партии советской ориентации. Ее можно наблюдать в каждой из них, за исключением Албании и Восточной Германии, где сложилось совершенно особое положение. Термин "либерализация" достаточно неточен. Он не характеризует объем и качество процесса, который протекает в соответствующих странах, не раскрывает его социальный и политический смысл, не раскрывает и ограничивающих этот процесс факторов. А между тем так называемая *либерализация* вплотную связана с так называемой *подвижной дипломатией*, с ростом полицентризма в международном коммунистическом движении. Более того, "либерализация" обусловлена ими. Но истоки перемен в странах с коммунистическими режимами еще более глубоки: они -- в разложении идеологии, которая не пережила столкновения с жизнью, отмирание которой началось тотчас, как только ее поборники пришли к власти и принялись втискивать абсолютно все в смиренную рубашку своих догм. Они растягивали или обрубали живое тело

человеческого общества, лишь бы уместить его на прокрустовом ложе идеологии. Это стоило многого — материальных ценностей, человеческих жизней и действительного общественного прогресса. Что же касается результата, то он оказался ничтожным в сравнении с затраченными усилиями и жертвами.

Но есть и еще одно, видимо, самое важное обстоятельство, которое придает событиям именно Центральной и Юго-Восточной Европы универсальный смысл. Все пережила эта область за последние полвека: монархию, диктатуры — левую и правую, полудиктатуры, парламентскую демократию, иностранную интервенцию, оккупацию, мир и войну, революцию и контрреволюцию, экономический кризис и временный бум, фашизм и социализм, "путь к коммунизму", политический идеализм и политический цинизм, территориальные, национальные и социальные распри. Здесь были свои короли, президенты, маршалы, адмиралы без моря, сумасшедшие фюреры и вожди с их "отеческой заботой". Круг, кажется, замкнулся: все перепробовано и найдено непригодным, нестабильным, во всех отношениях чересчур разорительным.

К чему же тогда вернуться, что сохранить из всего этого сумасбродного и зыбкого наследия, счесть справедливым и разумным, практичным и нужным?

Народы Центральной и Юго-Восточной Европы заняты сейчас напряженным поиском решения. И как бы приглушенно, как бы зашифровано при существующих обстоятельствах оно ни звучало, это решение однозначно и серьезно. Значительно и характерно также и то, что ответ на кардинальные вопросы национальной жизни этих народов дается — и часто совершенно открыто — новым поколением интеллигенции, которое, пусть частично, но принимало или принимает до сих пор учение марксизма-ленинизма, которое связано с коммунистическими партиями. Право этих людей судить о будущем все еще ставится под сомнение. Но это не существенно. Существенно то, что отношения между народом и теми, кто, по всей вероятности, будет еще долго им управлять, становятся добрыми.* Они углубляются, углубляются принципиально. Жизнь человека, как и жизнь общества, не может быть удовлетворительна, нормальна, эффективна, пока не достигнут необходимый уровень гражданских

* Эта часть работы Павла Тигрида написана в период Пражской весны.

свобод и прав человека, пока даже найденная и доказанная правда не перестанет навязываться как окончательная, пока удар глубиной противопоставляется силе аргумента. Но если эти элементарные условия соблюдены, тогда "добрые отношения" становятся реальностью. В сознании народов Восточной Европы внезапно ожили понятия, которые, казалось бы, навеки похоронены учением о всеопределяющей роли производственных отношений: нравственность, честь, правда, порядочность и даже вера, даже признание одиночества и трагизма человеческого существования. Понятия эти, конечно, не новы. Однако в данном историческом и общественном контексте они — революционны!

Нигде не обсуждают их так страстно, так постоянно, как в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. И разве слишком дерзко предположение, что именно в этой части света, которая испила уже из всех социальных и политических чаш, по всей вероятности, осуществим синтез идеала свободы с идеалом социальной справедливости? Конечно, между высказыванием определенных идей — всего лишь в общих чертах, в форме условной и расплывчатой — и их осуществлением — расстояние большое. Но историческая значимость рождения этих идей этим не умаляется. Они появились как *общественная сила* среди народов, которые, как думали все, десятилетия назад были погребены лавиной идеологического и физического террора, которые все еще пребывают в тотальной изоляции, не имея возможности познавать, сравнивать, классифицировать и оценивать. Зачем преуменьшать историческую значимость этого факта?

Найдутся ли в чехословацкой политической эмиграции 1948г. силы и способности, чтобы активно и своевременно включиться в процесс, значение которого очевидно и для нее?..

* * *

Мы, эмигранты 1948 года, никогда не скрывали, что расходимся с коммунистами в вопросе о свободе. Это — наш главный, принципиальный спор с ними. Продолжать его можно снова и снова, до бесконечности. Что же это такое, свобода? Коммунисты сразу пускаются в диалектику: да, свобода, но для кого и для чего, с позиций какого класса ее рассматривать. Целесообразность и приемлемость такого сорта вопросов, особенно применительно к Чехословакии и в контексте данного нашего обсуждения, мы отвергаем. Но поскольку марксисты все-та-

ки признают, что "жизнь" вносит в теорию свои коррективы, воспользуемся этим и напомним, что жизнь в нынешней Чехословакии неопровержимо доказала, что без свободы ничего не выходит.

Более сорока лет назад Роза Люксембург, которую никто не заподозрит в буржуазности, писала:

"Без всенародных выборов, без полной свободы печати и собраний, без свободного столкновения мнений умирает любой общественный организм, остается лишь подобие жизни, когда активна одна бюрократия".

Чехословакия до 1968 года — азбучное свидетельство справедливости этого утверждения. И если бы коммунисты были до конца последовательными, когда в шестидесятые годы обсуждали между собой и с народом Чехословакии вопрос о причинах провала своей политики, если бы они имели мужество не останавливаться у порога своей идеологической надстройки, их вывод был бы однозначен. Причина их провала — в недостатке свободы или в ее полном отсутствии.

Отсутствие свободы — совершенно очевидный источник всех трудностей. Этого не обойдешь, не прикроешь заплатой. Сталинизм чехословацкого образца рухнет не столько под тяжестью "разоблачений культа личности" и сдвигов в международном коммунистическом движении, сколько по ходу своей собственной внутренней болезни, которая в промышленно развитой стране может иметь только летальный исход. Он неспособен создать варианты демократических альтернатив или хотя бы "социалистическую", или хотя бы внутрипартийную оппозицию, которые могли бы не только вырабатывать, но и публиковать, и пропагандировать свою, отличающуюся от официальной точку зрения, чтобы привлекать на ее сторону большинство в партии и государстве. И, вероятно, еще много воды утечет, пока появятся внутри коммунистического государства такие же полицентристские тенденции, какие уже существуют во взаимоотношениях между коммунистическими странами.

И все же... уже начался диалог между коммунизмом и демократией...

Как только прозвучит слово *диалог*, сразу по обе стороны идеологической границы вырастает гигантский пыльный смерч морального возмущения, хаос сбивчивых взглядов. Консерваторы,

догматики, экстремисты — левые и правые, закоряченные охранители "неизменных ценностей" торопятся трубить тревогу. В коммунистических обществах принимаются кричать об "идеологической диверсии", на Западе — о "примиренчестве" (*arresment*). Испуганное воображение обеих сторон насыщается досыта призраком троянского коня, которого наивные и доверчивые люди впускают в свой, хоть и осажденный, но все-таки комфортабельный лагерь...

Йиржи Гендрих,* этот серый кардинал чехословацкого коммунизма, объяснил однажды, какой диалог коммунисты, и не только чехословацкие, принимают, а какой нет. Вот что он сказал:

"Марксизм — система открытая. Его жизнеспособность определяется тем, что марксизм не сторонится ничего нового, что он критически переоценивает и впитывает в себя все, что служит развитию общества. Эта способность вытекает из научного характера марксизма. Именно поэтому мы не избегаем диалога с нашими идейными противниками, мы не бежим от столкновения с немарксистскими взглядами. Но должно ли это означать, что мы будем дополнять марксизм элементами чужих идеологических систем? Марксизм — динамичная, но комплексная теория; эклектицизм является одной из самых больших опасностей. Углубляя в поисках правды познание, марксизм побеждает все остальные системы мышления.

Но вместе с тем мы должны видеть, что вопрос о диалоге никогда нельзя формулировать в общем виде; нам всегда должно быть ясно, о чем дискутировать и с кем. Мы знаем, что у взглядов всегда есть своя классовая сторона. Мы уже не раз говорили, что мы — за диалог с честными людьми любой части земного шара, с людьми, которые в некоторых вопросах стремятся к тому же, что и мы,— как, например, укрепление мира, борьба против произвола империализма и т.д. Но мы не ведем диалог с глашатаями антикоммунизма. Там, где место последовательной, острой, идеологической борьбе, диалог может внести лишь хаос и нанести ущерб делу мира и прогресса".⁹

* Секретарь ЦК КПЧ, член Политбюро до весны 1968 года.

Но если коммунисты позволяют себе диктовать условия диалога с демократами, то это же право имеет и другая сторона. Речь идет об одном, но весьма принципиальном условии: диалог не должен превращаться в монолог или пропаганду, когда марксисты и их попутчики взаимно убеждают друг друга в том, в чем они и без того убеждены. Впрочем, говоря откровенно, длительная изоляция от окружающего мира навредила только самим же коммунистическим странам. Они до сих пор за нее расплачиваются и расплачиваются дорого. Ценой больших жертв восстанавливают то, что прозевали, что запустили в темную сталинскую пору.

Догматическая политика в конце концов самих догматиков столкнула с дилеммой. С одной стороны, они предпочитают изоляцию своих стран от некоммунистического мира, так как в их понимании марксизм — это не открытая, а закрытая, не готовая к очной ставке с Западом система, и неизвестно, что бы от него осталось, если бы они согласились на эту очную ставку. Но, с другой стороны, функционирующее индустриальное общество и научно-техническая революция порождают новые условия, при которых страна может оставаться в изоляции лишь ценой всестороннего застоя, напрасных поисков и изобретения велосипедов. И тут мы опять наталкиваемся на препятствие, на марксистскую концепцию человека и общества, которая была порежде на своеобразным романтизмом всеохватывающего "руководства к действию" в прошлом столетии и воспринята молодыми, а теперь уже парализованными и теряющими память революционерами. Именно поэтому они готовы только на кастрированный диалог — только с "честными людьми", с "прогрессивными" борцами за "укрепление мира", которые "в некоторых вопросах стремятся к тому, что и мы" (кто?), но ни в коем случае не с "глашатаями антикоммунизма" (?).

Но эти и подобные им бессмысленные выкрутасы и тактические маневры беззубы. Они тотчас забываются даже теми, для кого предназначаются. Ведь они заведомо обречены: диалог между двумя мирами ведется уже несколько лет в самых разнообразных формах, начиная с интенсивных культурных и научных связей, кончая личными контактами молодых поколений обоих миров и в самых различных плоскостях, начиная дипломатами и кончая эмигрантами. И если допустить, что война едва ли начнется, то ясно, что диалог будет продолжаться и расширять-

ся, вовлекая те группы, которые до сих пор к нему не были допущены. Тысячи нитей, связей, отношений, достигнутого взаимопонимания уже успели составить прочную ткань, хотя некоторые из них еще не видны утомленному полуслепому взгляду противников "идеологического сосуществования" и даже несколько более острым глазам политической полиции. Но уже сейчас их нельзя разорвать даже объединенными усилиями тех и других.

Будут еще новые попытки, будут и провалы, и жертвы. Но противодействие изоляции, сознание вреда, который она приносит, огромно. И пропорционально росту этого сознания мы наблюдаем усиливающееся стремление к более тесным связям с Францией, Англией и другими странами западного мира прежде всего в Центральной Европе, которую очень многое с ними объединяет. Однако и там диалог с людьми с другого берега натолкнулся на сопротивление тугодумных, консервативных политиков. На Западе подобное сопротивление не имело особого значения. Открытое демократическое общество не может даже попытаться создать идеологический карантин: это было бы началом его конца. Ведь плюралистическое общество выживает только благодаря тому, что оно постоянно и бескомпромиссно высказывает правду о самом себе и критикует само себя. Интеллектуальная, гражданская активная часть этого общества непрерывно способствует отмиранию всего того, что в жизни, в столкновении и в диалоге с противниками оказалось преодоленным, непроизводительным, бессмысленным или бесчеловечным. И вследствие отпадения того, что атрофировалось, общество обновляется и омолаживается.

* * *

После 1956 года чехословацкая послефевральская политическая эмиграция, как и другие эмиграции из стран Центральной и Восточной Европы, оказалась перед выбором: либо подключиться к этому течению постоянного обмена, взаимосвязи и диалога, либо остаться вне его, или идти против него. Если бы она сложилась в организации и руководствовалась принципами единства и дисциплины, что в эмиграции почти неосуществимо, то, по всей вероятности, победила бы вторая альтернатива. Ведь некоторые эмигрантские организации связали свою судьбу с консервативными политическими силами Запада и по-

тратили много усилий на то, чтобы дискредитировать диалог демократов с их противниками. Однако организационная раздробленность чешской и словацкой политических эмиграций, а, главное, два десятилетия жизни в предоставивших им убежище странах способствовали тому, что преобладающее большинство представителей чехословацкой послефевральской эмиграции поддержало идею диалога с людьми с другого берега.

Тем самым она могла стать неотделимой и полноправной частью плюралистического западного общества.

Тем самым эмиграция 1948 года не только избежала тяжелой судьбы изгнанников, изоляции, окостенения и бесперспективности. Напротив, она соединилась с лучшими силами своего национального целого в его стремлении к большей свободе, к более справедливой жизни, к созданию политически и экономически функционирующей модели *дома*, то есть в Чехословакии. Она стала *политической силой* на родине, поскольку включилась в процесс, который уже невозможно остановить.

Трудно переоценить этот факт. Ведь эмиграция нашла и продолжает находить союзников даже среди своих бывших противников, среди тех, кто, участвуя в создании сталинской системы, вынудил ее уйти в изгнание. Иногда ярые противники послефевральской эмиграции меняют свою позицию. Послефевральская эмиграция стала партнером тех отечественных сил, которые разоблачили ошибки, произвол и жестокость несчастной поры, бессмысленность ее действий и деятелей.

Все эти годы послефевральская эмиграция старалась бороться с суетностью, с чувством усталости и, главное, изоляции. Ведь время от времени такие чувства овладевают молодежью и интеллектуалами, которые выносят основную тяжесть этой борьбы. И вот постепенно эмиграции удалось стать скромным, но постоянно действующим элементом национального возрождения, без которого невозможно себе представить чехословацкое будущее.

Тем самым чехословацкая эмиграция доказала, что в атомном веке не обязательно разделять горькую судьбу ее многочисленных предшественниц, их политическую импотенцию, отсутствие влияния, бесплодное политизирование в заплеванных кабаках, сочинение меморандумов, которые выбрасываются в корзинки или складываются в архивы, их ура-патриотизм и медленное умирание. Вероятно, такими красками и рисуют эми-

грацию ее противники дома и делают это для того, чтобы народ поверил, что она беспомощна, что она разложилась. Они верят, что эмиграция сама себя изложет, состарится и развалится. Они знают, что, сосредотачиваясь, она более ранима, чем будучи рассеяна; что ей легче нанести удар, когда она объединяется, чем если она, как солдаты при атаке, рассредоточится.

Наша эпоха обеспечивает политической эмиграции новые возможности борьбы. Мы имеем в виду не только то, что мир уменьшился благодаря нынешним средствам связи, новому транспорту, молниеносной скорости средств массовой информации, научно-технической революции, благодаря бесконечному разнообразию современных контактов — международным научным конференциям, организациям, научным стипендиям, различным фестивалям и конкурсам, благодаря туризму, циркуляции книг, переводов и т.д. Мы имеем в виду и новый статус эмигранта, прежде всего образованного эмигранта, в этом мире. Еще недавно ассимиляция какого-нибудь эмигранта воспринималась как начало конца, "смертельное кровотечение", как предательство идеалов и целей политической эмиграции. Бывало, что эмиграция даже предавала анафеме тех, кто принимал гражданство страны, куда бежал, становился ее полноправным гражданином, осваивал ее язык и занимал в ней хорошее или блестящее положение. До сих пор оплакивают в эмигрантских журналах их отчуждение, причитают о забытых ими родном языке и земляческих традициях народных хороходов.

Но если отбросить сентиментальность, в действительности все как раз наоборот: предпосылки и возможности включения в процесс национального возрождения, а тем самым в общественную и политическую жизнь родины, увеличиваются пропорционально тому положению, которое эмигрант занимает на своей новой родине. Они растут пропорционально степени его квалификации, влияния, связей, успехов и, наконец, степени его интеграции с обществом, в котором он живет.

Не каждый эмигрант — революционер. Но мы убеждены, что качества, обретенные им как свободной личностью, его интеллектуальная независимость, его социальная мобильность сами по себе опасны для режима, от которого он бежал. Во-первых, этот режим не смог предоставить ему соответствующих свобод. Во-вторых, накопив двусторонний опыт, он находит в себе силы настроиться "на ту же волну", выступить на той же стороне

баррикад, что и его народ и даже некоторые создатели угнетающего его народ режима. И не случайно пражские правители боятся этой связи. Они правы по-своему, когда пытаются разорвать ее всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Ради этой цели они готовы на все, ограничивая поездки за границу, сажая людей в тюрьму, лишь бы пресечь диалог между чехословацкой интеллигенцией дома и в эмиграции. ...

* * *

Но что сказать о возвращении послефевральской эмиграции, физическом возвращении к себе на родину?..

Не исключено, что более молодые и совсем молодые ее представители вернутся домой, чтобы принять участие в политической и общественной жизни. Они имеют на это моральное право, и никто, кроме народа, не может им в этом отказать. Но если они вернутся в Прагу и Братиславу, то не ради прогулок по улицам, а для того, чтобы отдать на службу народу свои приобретенные на Западе знания, свой опыт, чтобы направить все свои силы на устранение вреда, нанесенного народу невежественным и жестоким правлением. Скорее всего их ждут университетские кафедры, а не министерские кресла.

А это значит, что и относительно возврата домой смысл и цели политической эмиграции претерпели существенные изменения. Они теперь менее романтичны и драматичны, но зато более реальны и действенны.

Наконец, необходимо сказать и о тех, кто никогда не вернется, потому что уже не захочет. Все равно в каком-то смысле — быть может, более важном, — они возвратятся вместе с нормальным положением, вместе с утверждением закона и равенства, вместе с построением подлинно гуманного и демократического социализма. Тогда политическая эмиграция типа чехословацкой послефевральской прекратит свое существование. Было время, когда генералы Красной Армии поднимали тосты за то, чтобы в них не было больше нужды, за общество без войн. Так и наша эмиграция хотела бы самоликвидироваться, распустить свои организации, союзы, журналы. Все это потеряет смысл после демократизации Чехословакии, после того как у нас дома утвердится свобода.

Но может случиться и так, что политическая эмиграция ощу-

тит себя дома и в любой другой части мира, где социальный климат отвечает ее основным требованиям, где отношения между людьми справедливы. В обществе, где не только я сам могу опротестовать проявленную ко мне несправедливость, но где тысячи имеют такое же право и присоединят свой голос к моему, в государстве, которое не держит меня взаперти, но и не выбрасывает пинком в зад. В стране, где я могу воспитывать своих детей по своему усмотрению, в вере или без веры, в идеологии или без идеологии, — в таком обществе, в таком государстве, в такой стране обычно одинаково хорошо живется — в Лондоне, как и в Париже. Там можно быть активным — успешно или безуспешно — в политическом движении ирландских или словацких социалистов, заниматься спортом в различных земляческих обществах. Тысячи американцев живут во Франции, потому что им не нравится жить в Америке, и никто не подвергает их за это дискриминации, а тот, кто остался дома, не унижает их жалостью. Ведь в конце концов во многих случаях, в особенности для чехословаков, которые становятся эмигрантами сейчас, через 15 или 18 лет после февраля 1948 года, это акт свободной воли, это хорошо обдуманый выбор. Сейчас, как и всегда, решение эмигрировать остается свободным поступком несвободного или неудовлетворенного человека.

Чем бы ни было мотивировано нежелание политического эмигранта возвращаться домой, его нельзя расценивать как слабость. Наоборот, оно — проявление силы. Позиция чехословаков, принявших такое решение и не потерявших при этом интереса к судьбе страны, в которой родились и на языке которой говорят, неуязвима. Они ничего не требуют от родины, они не хотят даже вернуться. Может быть, именно это и порождает ненависть, которую питают к послефевральской эмиграции пражские правители. Ведь они так отчаянно держатся за власть, которая выскальзывается у них из рук! Может быть, здесь и кроется ключ взаимопонимания между эмиграцией и народом, дружбы между эмиграцией и молодежью, которая сформировалась дома. Инициатива дружбы часто принадлежала этой молодежи, которая в своих поисках правды о прошлом и настоящем своего народа приходила к "обманутым историей пророкам" эмиграции.¹⁰...

Еще полвека, четверть века назад политическая эмиграция и мечтать не могла, что установится постоянный и тесный кон-

такт с молодым поколением страны, которую она покинула. Это стало реальным только в век реактивных самолетов и атомной энергии, благодаря быстрому кругосветному круговороту людей и идей, благодаря современным средствам информации, которые сделали возможным, хоть и не всегда действительным, взаимопонимание между людьми, которые преодолевают идеологические перегородки, стены, визы и другие препятствия. А ведь совсем недавно политическая эмиграция могла надеяться на смену только из своих рядов и доходить до отчаяния от безразличия собственного второго поколения к ее идеалам.

Сейчас все выглядит по-другому -- по крайней мере, когда мы говорим об эмиграции из коммунистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Молодые люди не отрекаются от эмигрантов, ищут контактов с ними, а иногда они сами становятся эмигрантами, тем самым укрепляя и омолаживая эмиграцию. Это случается из-за того, что их под полицейским конвоем ведут в парикмахерские и там насильно стригут, или из-за того, что у их матерей постоянно пухнут ноги от вечного стояния в очередях за продуктами, или из-за того, что их сажают в тюрьмы за участие в студенческой маевке.

Но можно ли перечислить все маленькие и малюсенькие поводы, которые становятся в сумме катализатором общественных перемен, причиной отмирания одних режимов и культур, победой других и новых?..

За долгие проведенные за границей годы мы хорошо изучили структуру тоталитарных режимов и можем определить степень, до которой они способны противостоять общественному давлению. Диктаторские верхи больше боятся реформ, чем открытых протестов. Открытые выступления легко распознаваемы, ликвидировать их можно полицейскими методами. Что же касается реформ, либерализации, демократизации, гуманизации авторитарной системы, то это -- угроза постоянная, "ползучая", расплывчатая как туман, заразительная, вдохновляющая и соблазняющая тем более, чем более закрыта, анонимна и репрессивна система. Фронтальную, одновременную атаку она отразит играючи. Но когда сами ее строители принимаются вынимать один за другим камни ее фундамента, объясняя, что это необходимо ради укрепления самой системы, все сооружение теряет устойчивость. Система может неожиданно обрушиться, а восстановить ее уже не удастся. Поэтому любой тоталитарный

режим -- южноамериканские банановые республики, франкистская Испания и "родина социализма" -- неумоимо борются именно против этой опасности, которую, в зависимости от обстоятельств, называют то диверсией, то эррозией, то "ползучей" контрреволюцией, то мелкобуржуазным мещанством, то троянским конем врага, социал-реформизмом, либеральными тенденциями, контрабандой антикоммунизма -- можно выбирать, что душе угодно, на любой вкус!

* * *

Мне думается, что шесть лет спустя после ставших уже историей событий чехословацкой весны нет ни политической, ни тактической надобности скрывать самое существенное (что до сих пор многими отрицается): Пражская весна сигнализировала *начало разложения монолитной власти одной партии*, а тем самым и *разложения системы*, которая в советском -- и не только в советском -- словаре называется "социалистической". Москва во-время и верно распознала этот сигнал. Со своей точки зрения, исходя из коммунистической идеологии и построенной на ней системы, она была права, когда утверждала, что в Чехословакии, если отбросить субъективные намерения, надвигалась "контрреволюция", то есть *демонтаж социализма советского образца*.

Но тут возникают сразу два вопроса. Во-первых, действительно ли оказалась под угрозой монопольная власть КПЧ? Во-вторых, будет ли Советский Союз и в дальнейшем любимыми средствами, и военными в том числе, препятствовать тому, чтобы в сфере его влияния мог быть построен социализм другого, не советского типа?

Что касается первого вопроса, то автор данной работы пытался доказать еще раньше¹¹, что послеянварское (1968) руководство КПЧ оказалось под постоянным давлением двух тенденций: с одной стороны, растущее партийное и общественное мнение требовало больших свобод и гражданских прав, чем те, которые партия первоначально намерена была предоставить, а также и *гарантий* этих свобод и прав; с другой стороны, международно признанный "гарант" социализма в этой части мира -- Советский Союз совершенно недвусмысленно и решительно требовал, чтобы КПЧ собственными силами приостановила демон-

таж социализма в стране, так как в противном случае это делают за нее другие. Эту ситуацию можно сравнить с сообщающимися сосудами. Давление снизу было необходимо самой КПЧ. Чем острее становился ее спор с Москвой, тем больше она в нем нуждалась, так как именно эта невиданная в истории коммунистического движения массовая поддержка могла доказать советским вождям, что КПЧ располагает базой, на которую опирается ее власть, что коммунистическая партия Чехословакии, выступая как "носитель процесса возрождения", полностью контролирует положение в стране. Но для советских партбюрократов как раз этот аргумент был одним из главных, если не самым главным, доказательством, что в Чехословакии назревает контрреволюция и что чехословацкая коммунистическая партия вступила на путь, который может привести только к потере ею монополии на власть. Червоненко — по дипломатической линии, советская разведка в Праге — по своим каналам, а Василь Биляк¹² — через посредство тогда еще влиятельного члена Политбюро Петра Шелеста не переставали убеждать в этом советское руководство и собирать доказательства. Но если бы бывшая дубчеховская группа сделала попытку, — а некоторые половинчатые стремления к этому время от времени в ней проявлялись, — провести некоторую ревизию своих реформ (например, восстановить предварительную цензуру), то она потеряла бы именно ту массовую поддержку, на которую опиралась. А по мере приближения критических переговоров в Чиерне на Тиссе и Братиславе она не только все больше и больше нуждалась в ней, но и активно призывала население к такой поддержке.¹³

Но еще более серьезными были другие обстоятельства, которые сигнализировали о независимых попытках изменить систему структурно. Несколько групп, и среди них весьма активная и хорошо организованная группа студентов и работников высших учебных заведений, сразу же потребовали выдвижения кандидатами в депутаты Национального собрания независимых, не связанных с существующими партиями и общественными организациями лиц. Монопольная молодежная организация распалась, а вновь формирующиеся организации требовали своих прав. Такие возникавшие за короткий период по всей стране группы как К 231 и КАН¹⁴ не скрывали своего стремления участвовать в управлении страной или, по крайней мере, в контроле над властью. Комитет социал-демократов стимулиро-

вал создание временных социал-демократических организаций в областях, районах и городах, и этот нигде не опубликованный призыв встретил такую поддержку в стране, что сами его инициаторы вынуждены были сдерживать ими же вызванный энтузиазм. Отрицательная реакция даже таких благожелательно относившихся к реформам членов Политбюро коммунистической партии Чехословакии как Смарковский и Кригл ("мы не допустим социал-демократии, хоть бы нам пришлось разогнать ее полицией") более чем понятна.

А теперь снова о политической эмиграции, но на этот раз послеавгустовской...

К началу 1970 года новая политическая эмиграция из Чехословакии, которую иногда называют даже "марксистской" или даже "коммунистической" по ее наиболее известным представителям, хотя сама она предпочитает называться "социалистической", в целом уже показала себя миру. Известность этой эмиграции оставила далеко позади скромное, даже можно сказать анонимное начало первой эмиграционной волны 1948 года. Эта популярность определилась не только оригинальностью мышления или политической активностью, но и тем, что коммунисты смогли рассказать о самих себе. Их свидетельства — о системе, об ужасах пятидесятых годов, о манипуляциях властью, о Советском Союзе — часто рождали сенсацию. От Вены до Сан-Франциско телевизионные экраны показывали новые лица — коммунистов-реформистов, которые пытались придать "человеческое лицо" авторитарной системе. Долгие годы многие из них смотрели на Советский Союз как на образец. Они искренне хотели идти с ним "в ногу" и "на вечные времена". Но именно эта страна, страна их веры, унизила их, дала им пинок в зад, назвала предателями.

В этом информационно-пропагандистском потоке было сказано и немало нелепостей, родилось несколько легенд, сформулировано несколько плохо обоснованных мыслей. ...

Но правда и то, что именно благодаря свидетельствам новой эмиграции, благодаря массово распространяемым и дополняемым десяткам тысяч комментариев, сотням книг, телевизионных и кинопортажей о советской оккупации Чехословакии миллионы людей в мире лучше поняли, а иногда просто впервые задумались над тем, что собой представляет коммунизм на практике. Оккупация и все, что за ней последовало, осветили

как прожектором советскую реальность, советский империализм и агрессивный, угрожающий миру вероломный характер советской политики. И если даже спустя год-два волнение утихло, а многое в международной политике возвратилось к норме, чехословацкие события 1968 года были и продолжают оставаться предупреждением для всех, кто все еще питает иллюзии насчет "социализма" советского типа. До сих пор эти события отбрасывают тревожную тень на переговоры о мирном сотрудничестве, разрядке и сосуществовании с агрессором августа 1968 года.

Заслугой послеавгустовской эмиграции из Чехословакии было пробуждение на Западе интереса к этой стране и распространение знаний о ней. Перед наиболее видными представителями этой эмиграции раскрыли свои двери государственные деятели Запада, руководители правящих и оппозиционных партий, министры, послы и, конечно, те политические деятели, для которых первая волна чехословацкой эмиграции была неприемлемой. Эти связи со временем слабели, возможностей становилось меньше, но все же они есть, и в благоприятной обстановке могут сыграть большую роль.

... После окончательного падения Дубчека и проведения в стране "нормализации" можно было сказать, что ведущие кадры новой эмиграции создадут единую и централизованную политическую организацию, что в связи с марионеточным положением КПЧ и ее рабской послушностью, которой требуют от нее оккупанты, бывшие активисты этой партии, ныне проживающие за границей, образуют независимый ЦК КПЧ или руководящий партией и партийцами комитет, пока руководство КПЧ в Праге останется на нынешней позиции. Кажется, такая возможность обсуждалась, но не была реализована. В отличие от послефевральской, послеавгустовская эмиграция за первые шесть лет своего существования не создала прочной и центральной представительной организации. Тем самым она избежала многих неприятностей, споров, ревности, долго разъедавших послефевральскую эмиграцию. Она, бесспорно, избежала и разочарований от политических провалов и сознания политической беспомощности, которые особенно часты как раз при наличии организованного целого. И все же нас не может не удивлять это отвлечение к объединению именно у бывших членов партии, которые всю жизнь были связаны с организацией, признавали в

ней необходимое орудие политической, идеологической и пропагандистской работы, источник силы и гарантию успеха, а иногда даже Партию-Мать, которой нужно было подчинить все -- и собственное мнение, и личную жизнь, а часто и просто жизнь. Впрочем, может быть, как раз после такого опыта им и не захотелось снова идти в стадо?

Говоря о послеавгустовской эмиграции, следует все же отметить, что много серьезных доводов говорило за создание ею политического центра. У послефевральской эмиграции, даже в самых оптимальных для нее условиях, никогда не было за границей подлинных политических партнеров и надежных союзников. Она могла только надеяться и стремиться к тому, чтобы ее голос, ее взгляды, ее критические замечания были услышаны в том или ином министерстве иностранных дел. Как правило, эти усилия завершались меморандумом или резолюцией, которые либо выбрасывались в корзину, либо -- в лучшем случае -- попадали в секретные папки секретаря министра. Правда, эта эмиграция получила свою радиостанцию и возможность информировать людей дома на чешском и словацком языках, а передачи транслировались целый день. Но получено это радио было при особых внешнеполитических обстоятельствах.

Положение послеавгустовской эмиграции было качественно иное потому, что во всем мире у нее были потенциальные политические партнеры...И если не все, то хотя бы некоторые из них готовы были оказать ей помощь. Но что может сделать эмиграция для своей нации?

Говорят, что человек, потерявший по разным причинам волю к жизни, быстро слабеет и дряхлеет. По-видимому, то же можно сказать и об обществе, нации, государстве. Как жизнь личности не ограничивается основными физиологическими потребностями, не ограничивается ими и жизнь нации. Нация -- это не только общий язык, история, стремление к самосохранению. Коллективная апатия, безразличие к политическим и гражданским делам, чрезмерное стремление к материальному благополучию, предоставляемому потребительским обществом (и даже потребительским обществом бедных -- как в СССР и в странах советского блока), философия безысходности, вытекающая, как правило, из эгоизма и лени, теория "все равно ничего не имеет смысла" -- сестра себялюбия -- все это пивяки, пьющие кровь нации. Эти тенденции заметны в Чехословакии семи-

десятих годов. И они внушают тревогу. Самые благоприятные международные обстоятельства, которые предоставили бы маленькому народу конкретные возможности реализовать самого себя и добиться освобождения, пойдут насмарку, если в самом этом народе не будет достаточной воли к пробуждению, к тому, чтобы воспользоваться этими обстоятельствами. Как нам кажется, одна из констант чешского национального характера -- надеяться больше на других, чем на себя. Эта черта приводила к страшным последствиям в прошлом, но сейчас как будто бы молодое поколение начинает понимать, что прежде всего мы сами должны себе помочь, а потом, может быть, помогут другие.

Резкое понижение национальной энергии и национальной гордости -- не всеохватывающее и не постоянно действующее явление. Пражская весна показала, что гражданские достоинства, которые, казалось, давно подавлены правительственными жестокостями и засасывающей апатией, в действительности лишь дремали и ждали своего часа. То же можно сказать и о мнимом отсутствии храбрости у чехов. В кризисные моменты оказывалось, что не в отсутствии мужества в народе было дело, а в трусости, нерешительности, двуличности его официальных представителей и вождей.

Вряд ли мы ошибемся, сказав, что пройдет еще много лет, возможно, жизнь целого поколения, пока оба народа опомнятся от ударов, которые им были нанесены и которые они нанесли друг другу за последние шестьдесят лет. Необходимо залечить раны, чтобы обеспечить для страны лучшее будущее и постоянное всестороннее развитие. Если они не зарубцуются полностью, рано или поздно эти раны воспалятся снова и воспрепятствуют благоприятному развитию. Но исцеление не в хирургических операциях, не в реванше, мести, сведении счетов и новой охоте на ведьм с обязательными для нее атрибутами -- жестокостью, доносами, вымыслами. Наоборот, лечение будет состоять в примирении, во взаимном расчете с долгами, в общей и гражданской культуре. Вообще, мне кажется, что нужно больше смотреть вперед, чем вспоминать старое.

Обе волны чехословацкой эмиграции, каждая по-своему, может способствовать этой национальной регенерации. Но именно способствовать, ибо главный импульс, как и во всем, должен исходить от родины. Там должна формироваться тенденция, ко-

торую эмиграция будет укреплять и поддерживать. Если это необходимо, она будет разъяснять эти тенденции окружающему миру. Перспективы эмиграции, ее успехи или поражения в значительной степени зависят от процесса возрождения дома, от его результатов.

У политической эмиграции из Чехословакии, особенно у ее второй и пока еще молодой волны, есть очень хорошие предпосылки справиться с этой задачей. Естественно, что она несет на себе отпечаток всего того, что отпечаталось на всем народе. Поэтому новая эмиграция прежде всего должна работать над собой, чтобы не только освободиться от всех основных отрицательных последствий своего исторического прошлого, но и уточнить свой "профиль", свой "характер".

Помимо этих особых задач, политическая эмиграция из Чехословакии должна считаться и с общими условиями нашего атомного века. Что же вообще представляет собой политическая эмиграция в атомном веке? Часто, говоря о ней, подразумевают монолитные и неизменные единицы, иногда -- земляческие организации или политические группы. В действительности же политические эмиграции немного походят на студенческие организации. Начало бывает бурным, вдохновляющим, декларативным. За собраниями следуют совещания, за манифестами прокламации, движение дробится на группы или, наоборот, группы объединяются, эмиграция грозит власть имущим и поддерживает союзников. Но все это до определенного времени! Быть студентом -- занятие временное. Через несколько лет студенты теряют свою организационную массовую основу -- в отличие, например, от рабочих организаций, и становятся занятыми, семейными людьми, иногда прогрессивными, а иногда и косными. Лишь некоторые из них входят в общественную жизнь, в политику, становятся профессионалами. То же и в эмиграции. Быть вечным эмигрантом так же нецелесообразно, как быть вечным студентом. В двери эмигрантских организаций, вначале кипевших планами и энергией, настойчиво стучится жизнь и требует от них зрелости. Эмигранты превращаются в граждан страны, в которой решили жить, многие в солидных граждан, некоторые в состоятельных граждан, некоторые в известных граждан. И только несколько десятков выберут политику, станут профессионалами. Обстоятельства, в которых должна действовать политическая эмиграция, стоящие перед

ней задачи требуют профессионализма. Политика в эмиграции, как и в любой другой сфере во второй половине нашего века, исключает дилетантство. Политикой нельзя заниматься по вечерам, ее нельзя делать "лишь бы", без соответствующего интеллекта и трудолюбия.

Часто деятельность различных земляческих объединений рассматривается как деятельность политическая, считается, будто ею можно подменить политику. В действительности деятельность земляческих организаций может лишь поддерживать и дополнять политическую деятельность. Она может вдохновлять и финансировать политику. Но ни в коем случае не подменять ее.

Профессиональный политик в эмиграции нуждается в комплексе взаимодополняющих качеств. Некоторые из них абсолютно необходимы, если политический деятель эмиграции (как и журналист, организатор, политолог) не хочет походить на третьеразрядного футболиста, который по какому-то недоразумению оказался в международной сборной. Он должен быть образован — вообще и по своей специальности; он должен видеть события в комплексе и уметь четко формулировать свои мысли; он должен быть инициативным, обладать фантазией, мужеством, энергией; профессиональный политик должен быть принципиален, но быть тактиком; он должен быть неуступчив, но в то же время готов пойти на компромисс; он должен знать языки, иметь связи и доступ к влиятельным и власть имущим; он должен уметь хорошо вести себя и обладать чувством юмора. Такой элитой среди политиков в эмиграции — и часто одиночками — были Герцен, Масарик, де Голль.

В атомном веке политик-эмигрант должен уметь использовать новые элементы, которые возникают в жизни общества и революционизируют политическую борьбу, такие как электронные машины, способные предсказать результат политического мероприятия, телевизионное изображение, транслируемое через спутники, и т.п.

Короче говоря, политическая эмиграция стоит перед новыми ситуациями и перед совершенно новыми возможностями. В эпоху компьютеров уже недостаточно "записок с родины" на смятых кусочках бумаги. Критика тоталитарного режима, написанная, например, образованным чехом и транслируемая посредством спутника, передачи которого невозможно заглушить, будет на-

много эффективнее, чем переданная пани Водичковой из Кливленда землякам на родине в Модржанах листовка:

"Будьте едины и высоко держите головы!"

Политическая эмиграция должна будет освоить и включить в свою работу новые, до сих пор еще не испытанные, но многообещающие возможности, которые появились в атомном веке; ей придется использовать те качественные изменения в международных отношениях, о которых мы уже говорили в нашей работе; она, не колеблясь должна экспериментировать с новыми формами политической деятельности. А тенденция ее политической деятельности, по-видимому, будет развиваться от частного к общему, от задач первоначально "национально-освободительных" к целям общеполитическим, гуманным и социальным. А из этого вытекает взаимосвязь — прямая или косвенная, непосредственная или долговременная — между всем, что происходит в одной части мира, с тем, что происходит в другой. Для стран, расположенных в сердце Европы, могут иметь значение и богословские решения Ватикана, и положение на советско-китайской границе. Понять все эти взаимосвязи, следить за тенденциями и в подходящий момент подключиться к ним, преодолевать национальное или идеологическое сектанство, искать союзников везде, где их можно найти, принимать активное участие во всем — в политике, в науке, в культуре, в экономике, в технике, в торговле, в международных связях, в организациях, в конгрессах, иметь контакты с представителями средств связи и информации — другими словами, внести свой, пусть и скромный, вклад в динамику современной жизни, которая изменяет мир, хоронит бессмысленные идеологические конструкции, а с ними вместе и их беспринципных знаменосцев, — такова задача политической эмиграции атомного века. Но *вместе с тем* она должна держаться определенных (не будем бояться этого слова) *моральных* принципов, без которых наши политические усилия потеряли бы смысл, без которых люди и общество могут существовать, но не могут жить.*

* Дописано летом 1974 года.

Примечания

- 1 The Romantic Exiles, 1, Penguin Books, London, 1949.
- 2 Цитируется по книге Bertram D. Wolf, Three Who Made a Revolution, Beacon Press, Boston, 1955.
- 3 Цитируется по книге Иво Д. Духачека (Ivo D. Duchacek): Conflict and Cooperation Among Nations, Holt, Rhinehart and Winston, Inc., New York, 1960.
- 4 Nicholas J. Spykman в книге America's Strategy in World Politics, Harcourt, Brace and Company, New York, 1942.
- 5 Основные принципы "политики освобождения" базировались на концепции "подавления коммунизма", с которой уже в 1947 году выступил Джеймс Бернхэм (автор получившей широкую известность книги "Революция менеджеров" в своей работе The Struggle for the World (The John Day Company Inc., New York, 1947). Бернхэм рекомендовал оказывать постоянное давление на страны коммунистического блока в области военной, внешней политики и экономики, считая, что такое давление может ускорить крах этого блока и восстановить независимость Центральной и Восточной Европы.
- 6 Эту „policy of containment” сформулировал в 1947 году Джордж Кеннан, в то время начальник отдела планирования политики Государственного департамента США. И несмотря на то, что и эту политику трудно принять полностью, по всем ее пунктам, все же подход Кеннана к проблемам Восточной и Центральной Европы был намного реальнее освободительных лозунгов Далласа. В 1956 году Кеннан (и не в первый раз) предостерегает: "Хорошо это или плохо, но существует своего рода необратимость в том, что произошло в странах Центральной и Восточной Европы (после второй мировой войны); и я думаю, что мы не поможем эмигрантам, культивируя в них надежду в то, что когда-нибудь они вернутся домой и начнут с того же, на чем они остановились десять или двадцать лет назад... Развитие в коммунистических странах в направлении большей независимости и растущей ответственности перед общественным мнением своего населения — это то лучшее, чего мы можем дожидаться в этих странах в ближайшее время... И это развитие коммунистических стран будет осуществляться тем быстрее, чем в меньшей степени эти страны будут подвергнуты давлению поставить под угрозу военные цели СССР или воспринять, под давлением извне идеологию, противоречащую той, которая в данной области преобладает. В последнее время отношение Советов к восточноевропейским режимам стало более либеральным. И важно, чтобы мы, американцы, не выступали в глазах мира как препятствие этой тенденции, укрепление которой, в принципе, в интересах нас всех". (См. "Сведетви", № 1, год издания 1-й, 1956 год, стр. 32 и следующие).
- 7 Robert F. Burns „American and West European Policy Toward East Central Europe Since Stalin", в книге East Central Europe and the World: Development in the Post-Stalin Era, University of Notre Dame Press, 1962.
- 8 В статье "Конец идеологии", "Сведетви", год издания 7-й, № 25/26, 1965 г.
- 9 "Руде право", 10 февраля 1967 г.
- 10 Попытка изменить официальное отношение к послефевральской эмиграции была предпринята весной 1967 года и средствами массовой информации Чехословакии. В связи с этим следует отметить дискуссию, которая передавалась 29 марта 1967 года по чехословацкому телевидению. Эта дискуссия вызвала большой интерес зрителей и внушила надежду, что отношения между народом и эмиграцией будут нормализованы.
- 11 Pavel Tigrid, Le printemps de Prague, Editions du Jenil, Paris, 1968; Kvadratura kruhu, publ. „Svědectví", Paris, 1970; Why Dubcek Fell, MacDonald, London, 1970.
- 12 Василь Биляк — член политбюро ЦК КПЧ.
- 13 Без "давления снизу" нельзя было победить догматические силы в КПЧ, нельзя было начать реабилитацию жертв сталинской эры и нельзя было созвать съезд партии, который мог бы обеспечить победу реформистов.
- 14 К 231 — Клуб 231 — объединение бывших политических заключенных по статье 231, КАН — Клуб активных беспартийных.